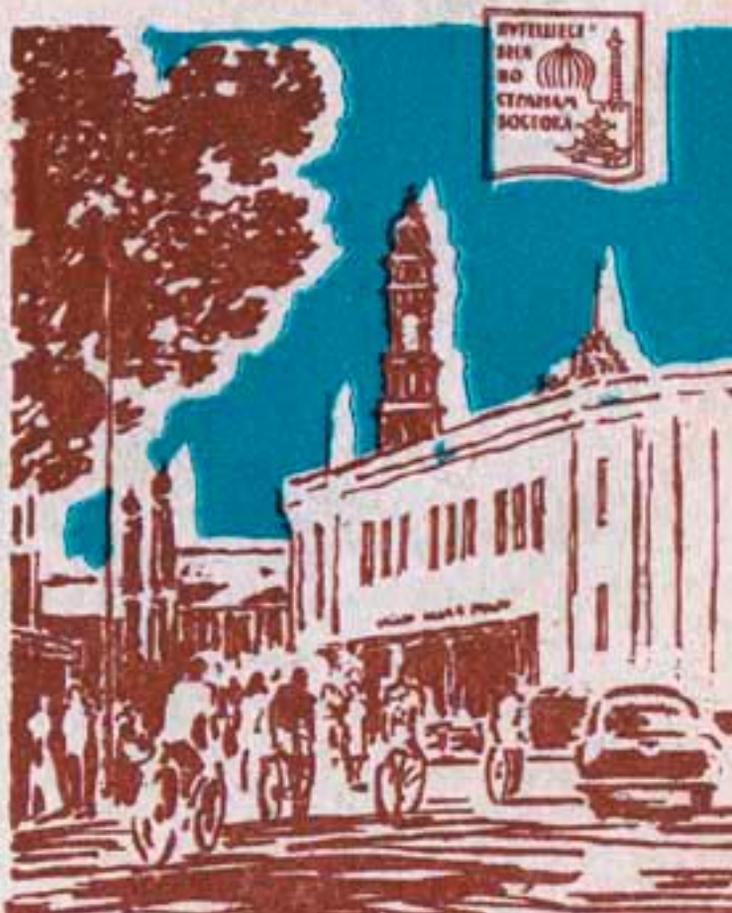

Л. В. ШАПОШНИКОВА

ГОДЫ И ДНИ МАДРАСА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. В. ШАПОШНИКОВА

ГОДЫ И ДНИ МАДРАСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

А. М. ДЬЯКОВ

Шапошникова Л. В.

Ш24 Годы и дни Мадраса (Серия «Путешествия по странам Востока»), М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

383 с. с илл.

В первой части книги рассказывается о городе Мадрасе, его прошлом и настоящем, о его жителях, их обычаях и традициях, показаны и некоторые сложные моменты политического положения города. Вторая часть книги посвящена описанию ряда исторических центров штата Тамилнад (бывший Мадрас).

1-6-3

138-71

9(М)

— Так, значит, вы русская, — сказал господин Дораб.

— Да, — подтвердила я еще раз.

— И мадам Блаватская — ваша соотечественница?

— Конечно.

— Так, так, — широко улыбнулся господин Дораб. — Вы интересуетесь нашим обществом?

— Интересуюсь.

— Это, наверно, из-за мадам Блаватской?

— Нет, не только. Я интересуюсь многим, что связано с этим городом.

— А... — несколько разочарованно протянул господин Дораб и посмотрел в окно маленькой конторы, в которой мы сидели. За окном среди берегов, поросших казуариной, плавно текла широкая река Адьяр. Чуть выше того места, куда уходила река, синел морской горизонт. Там Адьяр сливалась с океаном. Мурлыканье текущей воды действовало убаюкивающе, а из зарослей казуарины тянуло сырой и пахучей прохладой.

— Так что же вы хотели бы знать о нашем обществе? — обернулся снова ко мне господин Дораб.

— Все что можно. Я ведь ничего о вас не знаю.

— Странно, — задумчиво сказал секретарь. — Хотя, конечно, нет, — возразил он сам себе. — Вы ведь запретили деятельность общества в своей стране. Вы не скажете почему? — зеленые глаза господина Дораба действительно смотрели на меня.

— Я даже не знала, что оно у нас было, — сказала я.

— А все-таки вы, русские, интересный народ, — неожиданно оживился мой собеседник. — Вот и Блаватская была русская. У вас, как бы это сказать точнее, открытый разум. Да, да, именно открытый разум. Просветленный. Вам очень многое стало доступным. Космос, например. Ваша наука сделала большие успехи и объяснила многое. А вот наше общество появилось тогда, когда наука была не в состоянии осмыслить некоторые явления природы. Да и сейчас немногое ей удастся в этом отношении. Теософия же могла объяснять эти загадочные явления посредством религии.

— Что же может объяснить религия, как таковая?

— Ну, не сама религия, конечно, а те древние зна-

ния, которые она хранит. И не одна религия, а все. Ведь слово «теософия» означает «божественная мудрость». Мы стараемся собрать эту мудрость, используя все религии. Даже в атеизме есть своя мудрость. Но для нас теперь не это главное. Мы боремся за равенство во всем мире и всеобщее братство. Вы, русские, кажется, тоже этого хотите?

— Конечно, хотим. Но мы и сделали для этого немало.

— Согласен, согласен, — заторопился господин Дораб.

— А что сделало Теософское общество? — спросила я.

— Видите ли, — задумался секретарь, — мы готовим людей духовно к этому братству, воспитываем их.

— Как же вам это удается, если даже некоторые члены общества недостаточно воспитаны в этом отношении?

— А что такое? — встревожился Дораб.

И я рассказала ему о случае, который произошел со мной в библиотеке общества. Престарелая мисс, американка, работающая в каталоге, не захотела дать мне на минутку карандаш, чтобы записать название книги. Она считала, что в библиотеку без карандаша не ходят. Мой карандаш, очевидно, выскользнул у меня по дороге. Какой-то индеец сжалился надо мной и предложил свой. А мисс, зажав крепко в руке карандаш, рассерженная, удалилась из каталога. Какое же здесь братство, если человеку жалко для другого карандаша?

— Да, — сказал секретарь, — она дама с характером. Не каждому удастся проникнуться духом братства. Но тем не менее мы работаем над этим.

Мы расширились с господином Дорабом довольно любезно.

— Прошу вас, — сказал он, — подумайте об обществе, мы ведь с вами не очень расходимся во взглядах. А русских у нас совсем нет.

Я обещала подумать.

Территория Теософского общества, утопающая в садах и зелени, раскинулась на несколько сот акров на берегу реки Адьяр. Адьяр — один из фешенебельных районов Мадраса. Теософское общество, основанное в прошлом столетии Еленой Петровной Блаватской, — своеобразный городок, живущий своей жизнью. На его

территории расположены многочисленные здания жилых домов, отелей, учреждений, храмов, мастерских, школ. Каждая улица этого городка имеет название, связанное с деятельностью общества. Улица Блаватской, улица Основателей, улица Субрамания Айера, улица Арийцев, Сады Безант, Храмовая улица. Часть улиц залита асфальтом, некоторые чисто подметены и посыпаны песком. Целого дня недостаточно, чтобы осмотреть этот городок.

На берегу реки стоит двухэтажное здание штаб-квартиры общества. С его розовых стен смотрят мудрым взглядом слоновьи головы. В мраморном прохладном зале этого здания у гладких колонн стоят статуи Блаватской и Олкотта. Рядом с изображением Будды помещается бюст Анни Безант. Мраморный пол всегда здесь натерт до блеска и похож на поле ледяного катка. К залу примыкает библиотека общества. Это одна из богатейших библиотек Мадраса, насчитывающая 60 тысяч книг и 15 тысяч древних и старинных рукописей. Многие из них написаны на пальмовых листьях. Среди этих рукописей находится 1000 редчайших тамильских манускриптов. От главного здания узкая темная улочка ведет к отделу публикаций. Здесь на полках его магазина вы обнаруживаете публикации древних источников самых различных стран и народов, книги Блаватской, Олкотта, Безант и других деятелей общества. Работы чисто религиозного содержания стоят vis-à-vis с различного рода оккультными исследованиями. Здесь вам могут продать открытки с портретами основателей общества, отчеты о его деятельности, буклеты.

Отсюда улица Блаватской приведет вас к знаменитому баньяну, которым по праву гордятся теософы. Говорят, что ему более 500 лет. Его кропа распространилась почти на 6 тысяч квадратных метров. В тени этого дерева могут сидеть одновременно 3 тысячи людей. Огромный массивный ствол, состоящий из сросшихся малых стволов, похожих на толстые лианы, стоит в центре площадки. Здесь лунными ночами происходят собрания общества. За баньяном, по берегу реки, тянутся густые заросли казуарины. Заросли подходят вплотную к воде, и у самой их опушки вы натываетесь на небольшой водоем, заполненный цветущими лотосами. Сиреневые и розовые лепестки цветов красиво оттеняют стро-

гий гранит двух могил. Здесь кремировали Аши Безант и похоронили пепел президента общества Лидбитера и Эрандейла. Место называется «Сад воспоминаний». Сюда, как и в индусский храм, надо входить без обуви. К юго-востоку от «Сада воспоминаний», в противоположном конце городка, рядом с манговой рощей, находится место кремации. Члены общества придерживаются индусского погребального обряда. По всей территории разбросаны храмы, представляющие различные религии. На берегу небольшого водоема стоит буддийская ступа, сквозь деревья проглядывает черепичная крыша католической церкви, блестит на солнце белый мрамор куполов мечети, крылатые боги украшают фасад зороастрийского храма, возвышаются похожие на крепость стены мasonicкого храма, в зарослях казуарины неожиданно вырастает синагога, мелодично звонят колокола индуистского храма.

Во всем городке, на его чистых пыльных улицах, в рощах, на уютных площадках, царит покой и умиротворение. Люди в индийских одеждах проходят медленно, не торопясь. Все вокруг пахнет свежим речным и морским воздухом. Все располагает к отдыху и размышлениям.

Так выглядит Тософское общество извне. И лишь немногие знают или догадываются, какие странные истории происходили за его изгородью. С именами каких интересных, а подчас загадочных людей оно было связано. Часть неразгаданных тайн до сих пор надежно похоронена в его стенах.

Основатели

Ее называли загадочной личностью и шарлатанкой, великим учелем и русской шпионкой. Ей приписывали гайнствеские оккультные силы и уникальную способность к мошенничеству. Она обладала незаурядным мужеством и литературным даром. Была хорошим организатором, способной журналисткой и неудержимой фантазеркой. Ее жизнь похожа на приключенческий роман с неизбежными элементами фантастики.

Эта жизнь началась самым обычным образом в 1831 году в семье русских князей Долгоруких. Когда девочке исполнилось 11 лет, умерла ее мать. Вместе с братом и сестрами она была перевезена в дом своего деда Фадеева, который в то время был губернатором Саратова. Будущая основательница теософии, говорят, отличалась рядом странностей. Характер у нее был вспыльчивый и необузданный. Она, по всей видимости, была одарена рядом не совсем обычных способностей, существование которых сейчас наукой уже не отрицается. В ней было что-то от ясновидящей. Она владела какими-то элементами телепатии. Правда, при этом она утверждала, что общается с духами мертвых, но такие вещи можно смело оставить на ее совести. В 1848 году она вышла замуж за генерала Блаватского, заместника Эривани. Через три месяца она сбежала от него в Египет. Ее влекли к себе древние страны, она надеялась, что найдет там тайные знания, которые делают человека могущественным. Из Египта она отправилась в Афины, затем в Смирну и Малую Азию. В это же время она пыталась проникнуть в Тибет, но безуспешно. В 1851 году Блаватская прибыла в Лондон. Оттуда она уехала в Южную Америку, затем посетила острова Тихого океана и через некоторое время оказалась в Индии. Там снова сделала попытку попасть в Тибет, но была задержана английским пограничным отрядом и выслана по этапу. Около 1853 года она вернулась в Англию через Китай, Японию и Америку. Затем снова побывала в Америке и, вернувшись в Англию в 1856 году, сразу же отправилась в Египет, а оттуда в Индию. Накануне сипайского восстания она предприняла третью безуспешную попытку проникнуть в Тибет. После неудачи она возвратилась в Россию и два года жила в Тифлисе. В 1863 году она покинула Россию и вновь отправилась в Египет. Оттуда попала в Иран и Центральную Азию. И только в 1864 году Блаватская проникла в Тибет. В течение десяти лет она меняла страну за страной, город за городом. Италия, Индия, снова Тибет, Россия, Египет, Греция, Франция и, наконец, снова Америка.

Здесь, в Америке, Блаватская встретила полковника Олкотта, который интересовался модным в то время спиритизмом и с удовольствием слушал рассказы странной русской о Востоке. В Нью-Йорке и других городах

Америки возникали всякие «ложы» и «братства» спиритов. Они гоняли блюдечко по кругу, вызывали духи великих людей и фотографировались в обнимку с привидениями. Блаватская и Олкотт охотно посещали спиритические сеансы и даже стали членами некоторых «братств». Но в этих «братствах» были свои руководители, и будущие теософы оказались на положении рядовых спиритов. Блаватская никак не могла придумать что-нибудь такое, чтобы превзойти спиритов с их банальными духами. Наконец подвернулся молодой архитектор Фелт. Он заявил, что открыл тайну пропорций в египетской архитектуре. Но это было не все. Фелт обнаружил, что египетские жрецы были великими магами и могли вызывать «духи элементов». Это уже было кое-что. Спириты не могли вызывать духи элементов. Вот тогда и пришла мысль создать Теософское общество. Это случилось в Нью-Йорке в 1875 году. 17 других спиритов дали согласие стать его членами. Новое общество объявило, что только оно владеет тайнами жизни, и потребовало к себе соответствующего уважения. Блаватская выступила с программным заявлением в спиритической прессе. Она сказала, что существует магия, которая делится на белую и черную. Спиритические круги Америки были потрясены. Почему они не додумались до такого? Теперь всем было ясно, что Блаватская и Олкотт их обскакали. Все давно уже привыкли к духам. А вот магия — это было что-то новое и волнующее. Вдохновленное первым успехом, Теософское общество поставило перед собой великолепную цель: «собирать и распространять знания о законах, которые управляют вселенной». Черная и белая магия оказалась в числе этих законов. Фелт читал свою лекцию о «потерянном законе пропорции египтян» и обещал продемонстрировать представителей первой древней расы. Но для этого ему понадобились деньги. Много денег. Он их получил. Все общество готовилось к торжественной встрече с выходцами из далекого прошлого. А представители первой расы все не появлялись. Наконец терпение членов общества иссякло.

— Где Фелт? — спрашивали они. — И где его первая раса?

Деньги тоже исчезли. Общество оказалось перед острым кризисом. Необходимо было найти замену Фелту

и восстановить престиж теософов. И такую замену нашли. Это был обнищавший барон де Пельм. Вернее, не сам барон, а его труп. Барон умер, а его труп начал свои «загробные» скитания по Нью-Йорку. Барона решили кремировать и соблюсти при этом «восточный» ритуал. Ритуал, по замыслу Блаватской, мог восстановить веру в «таинственные силы» теософов. Но кремация тогда еще была незнакома Америке, и полиция запретила сожжение. С драгоценным трупом теософы носились почти полгода. Его замораживали, потом бальзамировали, читали над ним заклинания. И наконец полиция сдалась.

— Делайте, что хотите, — сказал Олкотту полицейский комиссар, — но чтобы это безобразие кончилось. Я больше не потерплю этого дурацкого трупа у себя в городе.

Труп сожгли, и вновь Теософское общество оказалось не у дел.

...В июле 1877 года на улицах Нью-Йорка появились странные люди. Они были завернуты в белые бурнусы, из-под которых поблескивали загадочные глаза. Пришельцы оказались арабами. Они не знали английского языка и знаками просили есть. Их было ровно тринадцать, ни больше ни меньше. По городу ходили слухи, что арабы потерпели кораблекрушение где-то около Нью-Йорка. Никто ничего о них определенного не знал. Никто, кроме Блаватской и Олкотта.

— По всей видимости, они ищут нас, — сказал Олкотт. — В их беспорядочных блужданиях по городу есть какая-то целенаправленность. Надо им помочь.

Так тринадцать таинственных арабов появились в Теософском обществе. Они таращили свои «загадочные» глаза на мужчину с пышной бородой и странную даму, одетую в длинное свободное платье. Мужчина и дама сидели перед ними, чего-то ожидая. Арабам стало не по себе. Они устали и хотели есть. Их пришлось накормить. Потом они поднялись и молча покинули основателей общества.

— Не правда ли, — оживилась Блаватская, когда хлопнулась дверь за последним, — в них столько странного и таинственного. Они нас испытывали, я в этом уверена.

Полковник был настроен более скептически и промолчал.

Через неделю в Нью-Йоркской гавани бросил якорь корабль с Тринидада. Его капитан сообщил, что тринадцать руководителей мятежа во французских владениях в Африке сбежали, скрываясь от преследований.

Теософы были в отчаянии. Ни Америка, ни Европа их не желали признавать. Теперь оставалась только Индия. Как удалось выяснить Олкотту, в Индии существовало общество, которое называлось «Ария самадж». Во главе общества стоял свами Даянанд. «Ария самадж» конца XIX века была индуистской просветительской организацией, призывавшей к возрождению древней культуры Индии. При известии об «Ария самадж» фантазия основателей Теософского общества вновь неудержимо заработала. Олкотт назвал «Ария самадж» «одним из величайших и благодетельнейших религиозно-философских братств, когда-либо организованных». А Блаватская объявила свами Даянанда «адептом оккультного гималайского братства». Теперь при помощи «Ария самадж» теософы решили создать «универсальное братство рас». Их намерение присоединиться к «Ария самадж» повергло в паническое настроение правоверных индусов, в том числе и свами Даянанда. Последний никак не мог взять в толк, что нужно этим странным европейцам от «Ария самадж». Он выслал Олкотту и Блаватской программу организации. В ней ничего не было ни «от «гималайского братства», ни от оккультных наук. Но теософов это не остановило. Их неудержимо влекла к себе эта организация с ее проповедью древней ведической религии. Это было так таинственно, можно было изобрести такие ритуалы и, наконец, возвыситься над простыми смертными.

Бомбей встретил путешественников потоками горячего тропического солнца. На причале стояла делегация от «Ария самадж». Разговаривались шафрановые одежды, священные четки обвивали шеи, длинные волосы ниспадали на плечи. Столь экзотической делегации не мог представить себе даже Олкотт.

— Теперь мы на верном пути, — прошептала Блаватская. — Разве люди в таких одеждах могут быть обычными или ординарными?

— Вы правы, как всегда, — ответил Олкотт.

Несмотря на легкое недоумение и испуг при первоначальном известии о прибытии столь странных друзей,

самаджисты были полны чувства гостеприимства. В колониальном Бомбее прибытие основателей теософии стало сенсацией № 1. Блаватскую и Олкотта осаждали журналисты, профессора различных наук, английские чиновники. Христианские миссионеры насторожились. Эти двое явно подрывали устои христианской религии, присоединившись к организации язычников. Настороженность вскоре перешла во вражду.

Но христианские миссионеры мало интересовали Блаватскую и Олкотта. Они обсуждали с «адептом гималайского братства» важнейшие вопросы: каким должен быть ритуал в теософской организации. Свами Даянанду ритуал занимал мало. Но когда теософы сами его разработали, руководитель «Ария самадж» пришел в ужас. В этом ритуале ничего не было от ведической религии.

— Если это повторится, я вас изгоню, — пригрозил он им.

Он уже жалел, что так легкомысленно связался с людьми, о которых знал так мало. Правда, немалую роль при этом сыграли деньги, которые они ему высылали на нужды организации. Но денег было немного и оплатить его терпения они не могли. Терпение это через несколько лет пришло к концу. Олкотт и Блаватская впали в буддизм. Этого правоверный индус им уже простить не мог. «Адепт» действовал быстро и решительно. Он издал циркуляр, которым запретил самаджистам общаться с теософами, «такими атеистами, лгунами и эгоистами».

Теософы нуждались в деньгах, но достать их было трудно. Олкотт занялся было торговой деятельностью. Он решил экспортировать в Америку индийские статуэтки, шкуры тигров и духи. Но затея принесла сплошные убытки. Тогда они стали обивать пороги княжеских дворцов. Каждого индийского раджу или махараджу Блаватская подозревала в связях с Белым гималайским братством. Пышные одежды раджей, их дворцы и драгоценности производили на Блаватскую неотразимое впечатление. Вырождающихся самодуров, страдающих патологическими пороками, она принимала за представителей особой расы. Князя принимали ее по-разному. Одни не пускали ее на порог, другие откупались подачками, третьи предлагали деньги, если Блаватская про-

демонстрирует свою «силу». Но это не поколебало ее веры в их «избранность».

Олкотт в это время ездил по Индии, читая платные лекции. Теософское общество постепенно начинало завоевывать себе место в стране. В 80-е годы в Индии зарождалось национальное движение. Возникла тяга к ценностям собственной культуры. Проповедь теософами равенства, возрождения древних традиций и философии привлекла немало индийских интеллигентов. Более благоразумно настроенный Олкотт пытался отделить эту деятельность общества от всего оккультного, непонятного и таинственного.

В 1881 году с помощью состоятельных индийцев Олкотт приобрел земельный участок на берегу реки Адьяр в Мадрасе. Вскоре там было сооружено первое здание, где и разместилась штаб-квартира общества. Здесь же, в Мадрасе, разыгрался скандал. Блаватская была обвинена в шарлатанстве. Благоразумный Олкотт сделал заявление, что всякого рода чудеса и оккультные науки не являются основными в работе общества. Блаватской предложили уехать в Европу и поправить там свое здоровье. В мае 1885 года Блаватская покинула Индию.

Олкотт расширял территорию Адьяра и строил новые здания. Была заложена большая библиотека. Члены общества читали лекции по индийской философии, комментировали тексты древних источников и участвовали в заседаниях Индийского национального конгресса. В 1891 году Блаватская умерла в Лондоне. Олкотт пережил несколько неприятных месяцев, опасаясь, что тень Блаватской навсегда поселится в Адьяре. Но этого не случилось. Правда, неприятности все-таки были, но они имели несколько иной характер. На мировую арену деятельности по совершенствованию человечества выринула Катарина Тингли в сопровождении семи преданных сподвижников. Она основала Вселенское братство. Теософскому обществу в нем она отвела второстепенное место. Этого Олкотт не мог ей простить. Более того, в самом Теософском обществе началась драка за высокие посты. Олкотт был в отчаянии и наконец пригрозил коллегам, что покинет свое износившееся тело. Запахло еще одним скандалом. Постепенно страсти улеглись, и с 1897 года в обществе воцарился мир. На радостях возд-

выгляди статую Блаватской и учредили День белого лотоса в честь годовщины ее смерти. В первый же такой день накормили 300 бедных рыбаков. Пользуясь мирной обстановкой, президент общества начал вести несколько рассеянный образ жизни. Он регулярно посещал приемы и ужины в городе. Особенно ему нравились балы. Там он много танцевал и ухаживал за молодыми англичанками. Тайнственные силы больше не смущали его душу. В феврале 1907 года он легко покинул свое износившееся на балах и приемах тело. Президентом стала Анни Безант. Президенты сменялись на своих постах, общество продолжало работать как просветительская организация с религиозным уклоном. Отделения общества были созданы во многих странах мира, там, где интересовались культурой древней Индии и ее философией.

Началась вторая мировая война. Фашистская Германия оккупировала Европу, а императорская Япония — Азию. К дыму пожарниц и взрывов примешался едкий дым газовых печей и крематориев огромных концлагерей. Миллионы людей гибли не только на войне. Их расстреливали и сознательно уничтожали новые хозяева Европы и Азии. Пацифисты из Теософского общества проповедовали абстрактный мир и всеобщее братство. На фоне происходившего это выглядело смешно и бесполезно. Нужна была активная борьба против фашизма и войны, но теософы были не в состоянии ее вести. Однако немецкие гестапо прекрасно понимало, на чьей стороне симпатии членов общества. Они запретили деятельность общества сначала в Германии, а затем в оккупированных европейских странах: Франции, Голландии, Бельгии. Многие руководители общества погибли в фашистских застенках. Другие были арестованы за укрывание евреев. В Индии теософы пожертвовали тысячу фунтов стерлингов пострадавшим от войны. В 1942 году над Индией нависла угроза вторжения японских войск. Из Адьяра срочно эвакуировали архивы. Американцы по требованию своего консула покинули городок и укрылись в горах. Над всем миром бушевала война, а в Адьяре по-прежнему работали группы по созерцанию, читали вслух «Бхагават Гиту», пели священные гимны и изучали жизнь основателей религии. Спокойствие Адьяра не было потревожено и тогда, когда английские самолеты на бреющем полете расстреливали демонстрации борцов за

независимость Индии, а толки давили восставших крестьян. Жизнь в городке текла своим чередом. Она не нарушилась, когда после войны страна сотрясалась от погромов и индусско-мусульманской резни, инспирированных английскими властями. Правда, члены общества выступали с лекциями о религиозном мире и помогали беженцам — индусам и мусульманам. Борьбу за установление мира между индусами и мусульманами Индии в свое время начала Анни Безант, чье имя прочно связано с Альяром и национально-освободительным движением.

Дочь Альбиона. Явление Христа народу

Она покинула свое тело — так говорят о смерти теософы — в 4 часа дня 20 сентября 1933 года. Ее положили в мраморном зале. Расшитое золотом сари спадало мягкими складками на шелковое полотно эмблемы Теософского общества. Седые пышные волосы, забранные в узел, были украшены цветами жасмина. Цветы пахли резко и тревожно. Дымок ароматических палочек плыл в тишине, где звучал только монотонный голос жреца-брахмана. Тысячи мадрасцев целый день шли один за другим через мраморный зал, на какое-то мгновение задерживаясь у помоста. В прибрежных зарослях казуарины был уже готов кремационный костер, сложенный из сандалового дерева. А через несколько дней после этого от причала в Бенаресе отошла лодка, украшенная цветами. Она плавно скользила по мутной поверхности Ганга и остановилась, когда достигла середины реки. Индус в белом дхоти открыл серебряный кубок и высыпал в воду горстку попла. Это было все, что осталось от Анни Безант, президента Теософского общества и участницы движения за независимость Индии.

Анни Безант приехала в Индию в 1893 году, когда ей было 47 лет. До этого она успела сделать многое. Английская аристократка по рождению, она порвала с христианством и увлеклась мистикой, выступала против собственного правительства и требовала самоуправле-

пропуск

— Как видите, довоенная, — дружелюбно засмеялся Золтан.

Он принадлежал к одному из аристократических родов довоенной Венгрии. Он хорошо помнит свой замок. Теперь там разместилось какое-то государственное учреждение. Мужчины семьи Золтана всегда служили в армии. Эта карьера не миновала и его. К началу второй мировой войны Золтан оказался в чине генерала. Потом в Венгрии произошли большие перемены. К власти пришел Хорти, и страна стала союзницей Германии. Золтан был военным и привык, не думая, выполнять приказы. Один из таких приказов бросил его дивизию в снега России. Страхнее он не знал ничего в жизни. Они шли по замерзшей опустошенной стране, и единственным человеческим чувством, которое они познали там в полной мере, была ненависть к ним, оккупантам. Наступление продолжалось недолго. Потом дивизия попала в огненный котел. Из него вырвались немногие. Обмороженного и раненого генерала армии Хорти два русских автоматчика доставили в армейский штаб.

— Меня убьют? — спросил Золтан штабного переводчика. Тот неопределенно пожал плечами.

— Конечно, убьют, — уверенно сказал генерал. — Я видел здесь столько ненависти.

— Вы думаете, вы заслужили другое? — резко бросил переводчик. — На что вы рассчитывали?

— Я выполнял приказ, — Золтан опустил голову.

— В вашем чине можно было бы и думать, а не только выполнять приказы, — рассердился переводчик.

Потом его допрашивал русский офицер. Допрос длился долго, и Золтан чувствовал, что сейчас потеряет сознание. Давала себя знать рана. Офицер вежливо подвинул ему стакан с водой. И тогда он почему-то понял, что его не убьют. Как будто издали дошел голос переводчика:

— Генерал, ваши документы останутся в штабе. Теперь вы военнопленный и будете направлены в лагерь.

«Военнопленный, — подумал Золтан. — У нас был приказ русских в плен не брать. Почему они поступили так? Зачем им моя жизнь?»

В лагере, после того как его выписали из госпиталя, он продолжал думать над этим. Лагерь был смешанный. Там были немцы, итальянцы, венгры. Он с удивлением

обнаружил, что немцы относятся к нему, их союзнику, хуже, чем русская охрана лагеря. И опять генерал Золтан стал размышлять. «Почему люди, за которых венгры проливали кровь, обращаются с вами, как с собаками, а те, чью кровь они пролили, неизменно вежливы, кормят их и не унижают их человеческого достоинства. В чем тут дело?» — спрашивал себя Золтан. Он начал учить русский язык. Это помогло ему во многом разобраться. Венгерский генерал пытался понять душу народа, в плену у которого он находился.

— Вы удивительные люди! — воскликнул он. — В плену у вас я прошел школу настоящей человечности. Я всегда буду вам за это благодарен.

Но Россия не смогла изменить Золтана до конца. Аристократ и офицер, он не принял новой Венгрии. Теософское общество стало для него политическим убежищем. Здесь, в Адьере, он попытался уйти от мира, от его острых проблем и его волнений. Но попытка эта оказалась не очень эффективной. Поэтому, когда мы с ним говорили, он довольно переводил беседу на Венгрию.

— Что вы знаете об этой стране? — спрашивал он. — Как там сейчас живут? Вы или ваши друзья там бывали?

И когда я отвечала, морщины его лица становились резче, а в глазах печально и тревожно металось что-то невысказанное и затасканное.

— Всемирное братство — это хорошо, — однажды сказал он мне. — Вы ведь сами этого не отрицаете. Но мне кажется, что понятие родины при этом должно остаться. Не так ли? Как вы думаете, сможет ли Теософское общество создать мир без войн и ненависти?

— Я, конечно, так не думаю.

— Почему? — заинтересовался Золтан. — Мы ведь немало сделали.

Да, объясняю я ему, цели Общества вполне гуманны. Много было сделано в изучении древней культуры Индии. Общество всегда сочувствовало национально-освободительному движению и выступало против войны. Это, безусловно, неплохо. Но как вы можете установить всемирное братство? Какие у вас для этого возможности? Социальную иерархию вы хотите заменить мирфической оккультной иерархией. Но ведь эта последняя тоже пасаждает неравенство. Кто-то получает право вершить судь-

бами мира, а кто-то должен подчиняться этим властителям. Ведь Блаватская считала себя избранной махатмой и поэтому претендовала на абсолютную власть. А власть немногих всегда порождает неравенство. Как же можно в таком случае думать о всемирном братстве? В нашем обществе тоже разные люди с разными политическими взглядами. Они между собой не могут договориться, куда же им до всемирного братства.

— Может быть, вы и правы, — вздыхает генерал. — Но Блаватская была все-таки великая женщина.

— Пусть так, — говорю я, — но это ровным счетом ничего не решает.

...Каждый день Зонтай приходил в свой офис и внимательно читал очередную партию писем Блаватской или ее рукописи. Он готовил их к изданию. Иногда я помогала ему разобрать непонятные русские строчки, написанные нерзким почерком «великой женщины». Его секретарь, пожилая американка, каждый раз, видя меня, недовольно поджимала губы и не желала здороваться. По ее мнению, Советский Союз не подходит для всемирного братства. Бывший генерал армии Хорти думал несколько иначе. Но ход его мыслей был тоже достаточно противоречив. Иногда он отрывался от писем и поднимал седую голову к портрету, висевшему над его столом. С портрета сомнамбулическими глазами смотрела на него Елена Петровна Блаватская — основательница Теософского общества.

Рукмини Деви

На небольшом возвышении перед сценой сидела седоволосая женщина. Из-под густых, широкых на крыльях чайки бровей по-молодому блестели миндалевидные черные глаза. Изящно очерченный нос украшала бриллиантовая звездочка. На ее коленях лежал ворох цветочных гирлянд. Женщина, не отрываясь, смотрела на сцену, где дрожало пламя масляного светильника, а черно-золотая корона Кираты задевала нависшие над сценой деревья. Глухо звучал аккомпанемент табла, а простодушный и смешной злой дух, покачивая широкими юбками, строил

свои нехитрые козни против грозного и сильного Арджуны. Но зеленому триму Арджуны медленно сползали капельки пота. Певец, придвинув к себе микрофон, выводил сложную мелодию песни о древних героях. Прозвучали последние звуки табла, певец подвинулся и ушел за кулисы, а оба танцора «китакхали», наклонив свои шапкы-короны, в нерешительности замерли перед женщиной. Она посмотрела на них смеющимися глазами, одобрительно кивнула и бросила какую-то фразу. И когда Кирита и Арджуна медленно ушли со сцены, а на помосте остались лишь четкие лунные тени деревьев, женщина почувствовала, как она устала. Ей сегодня исполнился 61 год. Весь вечер ей пришлось принимать поздравления. Министр культуры произнес цветистую речь, но она показалась ей слишком длинной. К ней подходили иностранные дипломаты и по-европейски крепко жали ее тонкую смуглую руку. На столе перед ней лежала куча телеграмм. Ее поздравляли союзные министры, главный министр штата Мадрас, члены кабинета. Два молодых небрежно одетых поэта прочли в ее честь стихи. Журналисты почтительно шуршали блокнотами, а фоторепортеры слепили присутствующих внезапными вспышками своих блиццев. Сегодня ее имя звучало в самых различных сочетаниях: «мужественная», «неутомимая», «артистичная», «вселяющая», «образованнейшая» и т. д. Для человека, которому исполнился 61 год, всего этого было слишком много. Женщина медленно поднялась и, вскинув красивую голову, усталой походкой прошла через сад, сквозь строй хорошо одетых людей, каждый из которых пытался поймать ее взгляд и чуть смущенную улыбку.

— Автомобиль госпожи Рукмини Деви! — крикнул темнолицый слуга в белом гурбане в лунную тишину пальмовой аллеи. И там, в ее глубине, неожиданно вспыхнули две яркие фары. Юбилей Рукмини Деви был закончен.

В Индии вряд ли найдется место, где бы не знали или не слышали об этой седоволосой женщине с молодыми живыми глазами. Но судьба ее тесно связала с Тамилнадом, с его людьми и его искусством. Она родилась в Тамилнаде и продолжит жить там до сих пор. Что сделала она для Индии и почему ее имя звучит теперь по всей стране? Она была одной из немногих, кто в годы коло-

Людмила Васильевна Шапошникова
Годы и дни Мадраса

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *И. С. Лесных*
Художник *В. А. Ковенацкий*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Л. И. Письман* и
М. З. Шафранская

Сдано в набор 8/XII 1970 г.
Подписано к печати 6/VII 1971 г.
А-11218. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16.
Уч.-изд. л. 21,06.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2667
Зак. 13. Цена 1 р. 26 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Полиграфическое объединение
«Полиграфист» Управления по печати
Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.